
**ДУБРОВИНА К.Н. «БИБЛЕЙСКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ
В РУССКОЙ И ЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ». —
изд. 1-е. — М.: Флинта: Наука, 2012. — 264 с.**

Смысловая целостность книг Ветхого и Нового Завета возобновлялась средневековым сознанием. Обмирщенное же сознание, впрочем, как и простонародное религиозное сознание, начинает выхватывать из совершенной смысловой непрерывности боговдохновенных книг реплики, образы, сюжеты, чтобы описать факты внерелигиозной, а часто и внедуховной, жизни. Вырванные из канонического смыслоформирующего контекста знаки неизбежно отчуждаются от сакральной сущности, десакрализируются. Символические значения извлеченных из канонических текстов знаков разрушаются в первую очередь. А ведь именно эти значения свидетельствовали о достоверности невидимого бытия. Сознание, которое разрушает эти значения, не стремится к тому, чтобы переключиться от восприятия профанного мира к восприятию мира сакрального. Исходные же (действительно библейские) конкретно-исторические или предметные значения такое сознание постепенно утрачивает, «забывает». Что же остается? — остается сформированное уже вне сакрального контекста переносное значение. Именно это переносное значение и трансформировало извлеченный из канонического текста фрагмент в то, что теперь называют «библейским фразеологизмом». Восхождению от переносного значения, сообщенного житейским сознанием выхваченному из Библии речению, к значению сначала конкретно-историческому или вещному, связанному со знанием библейской истории и вещного мира библейской эпохи, а иногда и далее — к значению символическому посвящена многолетняя работа Киры Николаевны Дубровиной, профессора кафедры общего и русского языкознания Российского университета дружбы народов. Материальным свидетельством этой работы стали вышедший в 2010 году «Энциклопедический словарь библейских фразеологизмов» (это издание было отмечено главной премией Академии наук за 2010), и опубликованная в 2012 году книга «Библейские фразеологизмы в русской и европейской культуре».

В этой книге автор намечает основные линии семантической трансформации выведенных из Библии выражений, образов и сюжетов в русской культуре и культуре европейской — словесной, живописной, музыкальной. Самая идея направления этой трансформации — ставит новые вопросы перед филологической наукой и перед наукой искусствоведческой, признающими, как и другие герменевтические науки, первенство вопроса перед ответом. А направления этой трансформации будут различными: и в зависимости от типа культуры (русской или европейской), от эпохи, от социальной среды, в которой формировался «библейский фразеологизм» (в простонародном сознании или в интеллектуальном), от жанра, в котором «фразеологизм» осваивался, от мировосприятия творческой личности. Надо заметить, что стремление К.Н. Дубровиной выйти в изучении «библейской фразеологии» за пределы вербального пространства ощущалось уже

в композиционном решении словарных статей «Энциклопедического словаря библейских фразеологизмов». Если с представленным в словаре «фразеологизмом» был связан сюжет или название произведения или произведений живописного искусства, эти произведения приводились в заключительной части словарной статьи. Наблюдательный читатель, мы надеемся, смог даже по этим ссылкам оценить высокую профессиональную культуру автора словаря: К.Н. Дубровина приводит не только имя художника и название работы, но и год создания, и место создания и то место, где находится картина на сегодняшний день. Понятно, что исследовательская мысль ученого уже на этапе создания словаря была нацелена на восприятие культуры как целостности, в которой язык, являясь высшим проявлением культуры, все же остается только ее частью.

Словарь не мог отразить наблюдений автора над общим и различным в семантической трансформации выхваченных из библейских текстов речений в русском языке и языках европейских. Эти наблюдения отражены уже в книге К.Н. Дубровиной. Носители разных языков выводят из Библии разные «фразеологизмы» и в разном объеме. Именно в книге К.Н. Дубровина старается оценить направление такой избирательности, осмыслить ее причины, рассматривая «библейские фразеологизмы» в русском языке в сравнении с «библейскими фразеологизмами» в трех европейских языках: английском, французском, английском.

Отдельного комментария заслуживает, на наш взгляд, работа К.Н. Дубровиной (и в словаре, и в книге) над указаниями на библейский источник речения. Ученый стремится к тому, чтобы дать исчерпывающий список (вместе с пояснениями) библейских контекстов, в которых появлялось то или иное высказывание. Скажем, приведенный в «Энциклопедическом словаре библейских фразеологизмов» «этимологический комментарий» к выражению «умыть руки» содержит ссылки на Псалтирь (25 псалом и 72 псалом), Числа, Второзаконие и Евангелие от Матфея. Такой в полной мере энциклопедический подход автора словаря выведет заинтересованного читателя (скорее всего специалиста) на иной уровень осмысления уже самого библейского речения в библейском же контексте. Для истолкования исходных, то есть обусловленных библейским контекстом, значений конкретно-исторический подход, бесспорно необходимый (и первичный), но не раскрывающий полного «мистического» (символического) смысла, окажется все же недостаточным. Точно подобранные К.Н. Дубровиной библейские контексты спровоцируют желание познакомиться с исследованиями авторов (например, Евфимия Зигабена), общая устремленность которых связана в первую очередь с установлением символического смысла (естественно с учетом конкретно-исторического значения), то есть такого, который позволит подойти к восприятию сакральных сущностей. К выведению символических значений помогут подойти и сочинения блаженного Августина, Афанасия Великого, Василия Великого, Григория Нисского, Дионисия Ареопагита, Иоанна Златоуста, Феодорита... Сочетание же двух принципов истолкования, конкретно-исторического и символического, семиотически соответствует тому принципу «двоякого реализма» (достоверности мира видимого и достоверности мира невидимого), который воплощается в сакральном

тексте. Скажем, значение выражения «умыти руки» («умыю въ неповинныхъ руке мои» Псалом 25, 6) выходит за границы *свидетельства невиновности, неучастия во зле*, становясь *символом чистой совести и готовности к молитве*. Верное установление исходного символического значения поможет, в свою очередь, вернее установить и направление, и меру смыслового искажения «библейских фразеологизмов» во внебиблейском и внебогословском употреблении, которое исследует К.Н. Дубровина. Так и понимание семиотических особенностей древнерусской иконы (установленных в классических работах П. Флоренского «Иконостас», «У водоразделов мысли») позволят в наблюдениях над религиозным изобразительным искусством перейти от сюжетного уровня понимания (оценки трансформации библейского сюжета и соотношения живописного изображения с «библейским фразеологизмом») к семиотическим построениям — осмыслению общего вектора смыслового искажения библейского источника в изобразительном искусстве: «Искание современными художниками модели при писании священных изображений уже само по себе есть доказательство, что они не видят явственно изображаемого ими неземного образа, а если бы видели ясно, то всякий посторонний образ, да к тому же образ иного порядка, иного мира, был бы помехой, а не подспорьем тому, духовному созерцанию» (П. Флоренский).

Обладая истинно филологическим даром — даром собирательства, профессор К.Н. Дубровина создала уникальную коллекцию трансформационных контекстов — коллекцию высказываний (вербальных, живописных и музыкальных) с «библейскими фразеологизмами». Источниками стали: русская и зарубежная классика, современная и самая современная литература, прозаическая и стихотворная, средства массовой информации, газеты и журналы, издаваемые в России и в странах — бывших республиках Советского Союза, общие («Российская газета»), и специальные («Медицинская газета»), труды главного архитектора русской революции, пословицы, поговорки, «вертепные драмы», эпистолярное наследие русской интеллигенции, русский лубок, творения живописцев, музыкальные произведения — от оратории до рок-оперы... «Извлечения» из этой коллекции не только сообщают аргументационную силу рассуждениям автора, но и, благодаря деликатной работе ученого с чужим словом, сохраняют самооценку и в ином тексте, в том числе и эстетическую самооценку. Такая деликатность — производная высокой профессиональной культуры и культуры внутренней.

Безусловного внимания, на наш взгляд, заслуживает представленная в отдельном разделе книги К.Н. Дубровиной история семантических изменений «библейских фразеологизмов» в русской литературе: в творчестве А.С. Пушкина, М.Е. Салтыкова-Щедрина, А.П. Чехова, В.В. Маяковского.

Обширной литературной деятельности Пушкина мы обязаны появлением той семантической структуры русского литературного языка, которая воспроизводится носителями русского языка и по сегодняшний день. Наделяя один и тот же знак (одно и то же слово) возможностью обозначать и высокое, и низкое, Пушкин окончательно расстроил средневековые принципы построения семантической структуры литературного языка, закреплявшей за одними знаками только высокий,

сакральный смысл, за другими — только обыденный или низменный. Наблюдения К.Н. Дубровиной над процессом секуляризации тех извлечений из Библии, которые, начиная с Пушкина, вовлекались классиками русской литературы в новые контексты, становятся видимым свидетельством общего процесса десакрализации семантической структуры русского литературного языка. Эти наблюдения, очевидно, смогут оценить и специалисты в области истории русского литературного языка, и специалисты по истории языка поэтического.

Достоинства книги сможет оценить и самый широкий круг читателей. Работа К.Н. Дубровиной, одновременно и научная, и просветительская, написана не только «для пользования», но и для чтения, комфортного занимательного чтения и... душеполезного. Напомним, что талантом популяризации, талантом говорить просто о сложном, обладает далеко не каждый. А необходимым, хоть и недостаточным, условием талантливой популяризации оказывается самое глубокое понимание предмета популяризации. Мягкая уравновешенность тона, приятная повествовательность придают книге К.Н. Дубровиной особое стилистическое очарование. Что же более всего выделяет эту работу из обезличенного потока современной научной и околонучной литературы? То, что в этой книге в полной мере выражен образ ее автора: образ стилистический, образ интеллектуальный и нравственный.

Доктор филологических наук
О.И. Валентинова